

них лютым зверем»; из соединения этих двух образов возникает в «Задонщине» свой: «И отскочи (поганый) Мамай серым волком от своєю дружины». В характеристику Всеслава также вплетается элемент иронии — и тоже заключенный в форму народно-поэтической образности: «Аще и вещь душа в дръзе теле, нъ часто беды страдаше. Тому вещей Боян и пръвое припевку, смысленый, рече: „Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути“». Однако, как и в некоторых других местах своего произведения, Софоний в данном случае лишь отталкивался от «Слова», разрабатывая весь эпизод по-своему. Это сказалось в стилистической обработке эпизода, которая не отличается цельностью. Налицо сочетание манеры книжной с манерой фольклорной. Особенно интересно применение Софонием к Мамаю песенного образа-символа «битва—встреча и проводы гостей».²⁶ Обычно, как это известно по песне о Евпатии Коловрате и особенно по более поздним историческим песням, русские воины (полководцы, царь), готовясь к встрече врага, намерены встретить его как «гостя», «угостить» и «проводить» достойным образом. В образах такой встречи, угощения и проводов дается иногда картина сражения. Характерной особенностью этих образов является их ироническая заостренность. В эпизоде с Мамаем из «Задонщины» мы видим тот же образ, но в ином контексте. Фряги с насмешкой спрашивают у Мамаю: «Нешто тобя князи руские горазно подчивали?»; «Нешто гораздо упилися на поле Куликове на траве ковыли?». «Слово о полку Игореве» знает образ-символ «битва — свадебный пир», развернутый там в скорбное описание разгрома войска Игоря. В «Задонщине» слова «гораздо упилися», да еще в общем ироническом контексте, звучат с явной издевкой.

Характерно, что в различных редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» также есть отголоски этого фольклорного образа — в речи князя по адресу приближающихся татар: «Се уже гости наши приближилися и ведутъ промеж собою поведеную, преднии уже испиша и весели быша и уснуша» (Шамбинаго, стр. 65, 29—30, 114). Однако и здесь это выражение находится не в составе фольклорного сюжета.

И в «Сказании о Мамаевом побоище», и в «Задонщине» есть целый ряд реминисценций, не связанных какими-либо сюжетными фольклорными рамками. Авторы-книжники, очевидно, хорошо знают песенную стилистику и очень умело ее используют. Следует говорить даже не о цитации; а о попытках найти для фольклорных образов, ставших уже, по-видимому, традиционными, новый контекст и придать им такие детали, которые в них отсутствовали. Поэтическое мышление книжного автора конца XIV—XV в. было уже достаточно далеко от мышления эпического, но именно это обстоятельство — при условии знания фольклора — позволяло ему свободно переосмыслить и развивать некоторые песенные образы, не сохраняя того сюжетного целого, в составе которого эти образы жили. Это обстоятельство необходимо строго учитывать, когда мы пытаемся обнаружить в таких памятниках, как «Сказание о Мамаевом побоище» или «Задонщина», следы прямых фольклорных влияний. Было бы неверным всякое внешнее сходство относить на долю такого рода влияний, отказывая тем самым писателям XIV—XV вв. в художественной фантазии, в умении создавать вымышленные ситуации. Характерную ошибку в этом смысле допустил И. П. Хрущов, пытаясь на основании самого поверхностного анализа выделить из состава двух литературных памятников о Куликов-

²⁶ См. об этом: Б. Н. Путилов. Песня о Евпатии Коловрате. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 128—131.